

to the general public, to organize its work on democratic principles, to attract the most talented scientists of the time to teach there. The process of opening the university was delayed for several years due to various bureaucratic obstacles. Documents from various domestic archives helped to reconstruct the history of the struggle for the people's university from the moment of its design.

Key words: A.L. Shanyavsky, People's University, democratization of education in Russia in the second half of the XIXth century, of Moscow City People's University.

Fando Roman A. – PhD in Biology; deputy director (science), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

П.А. Рыбаков

Коллективизация и раскулачивание в Тульском регионе в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

В статье на основе архивных материалов, опубликованных документов и данных периодической печати освещается процесс коллективизации и раскулачивания в Тульском регионе Московской области в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В статье показан процесс выработки политики коллективизации и раскулачивания, основные методы и приемы их практического осуществления. Особое внимание уделено рассмотрению протестного движения крестьян, направленного против коллективизации. Изучаемый регион, по данным Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) относился к числу районов Советского Союза, в котором протестное движение носило наиболее острый характер. Оно принимало как пассивные, так и активные формы. В статье приводятся наиболее распространенные формы активного и пассивного протеста, их динамика и масштабы. В заключительной части статьи подведены итоги проведения коллективизации в рассматриваемом регионе к концу первой пятилетки.

Ключевые слова: коллективизация Тульского региона, раскулачивание в СССР, российская деревня, крестьянство, налоговая политика в деревне, репрессии, крестьянское сопротивление.

Одним из важнейших и драматичных событий советской истории была коллективизация сельского хозяйства. Все то, что пережила российская деревня в этот период, до сих пор является предметом дискуссий. Причина такого внимания заключается в масштабности процесса коллективизации и раскулачивания, методах их проведения, в последствиях для аграрного сектора страны. Поэтому изучение этих процессов до сих пор имеет важное научное значение.

Актуальность темы определяется и тем, что, в связи с открытием доступа к рассекреченным архивным документам и материалам и публикацией документальных сборников, у исследователей появилась возможность объективно взглянуть на сложный, трагический период истории российской деревни.

В 1929 г. была создана Московская область, включавшая десять округов, в числе которых был и Тульский. В состав округа вошли бывшая Тульская губерния (без Пахомовского и Тарусского районов), часть Скопинского уезда Рязанской губернии, часть Мокринской волости Каширского уезда Московской губернии, часть Березовской волости Лихвинского уезда Калужской губернии [20, с. 10]. Сам Тульский округ состоял из 27 районов [Там же, с. 13–14].

К декабрю 1929 г. в Тульском округе было создано 546 коллективов, из них 51 коммуна, 257 сельскохозяйственных артелей и 238 товариществ по совместной обработке земли. В этих объединениях состояло 23 170 крестьянских хозяйств или 7,7% всех хозяйств округа [18, с. 49].

В соответствии с разработанными в декабре 1929 г. планами, в целом по Московской области предполагалось к концу 1930 г. коллективизировать 50% крестьянских хозяйств, а по посевной площади – 42,6% [9, л. 24]. План весенней посевной кампании в Тульском округе предполагал к концу марта 1930 г. осуществить коллективизацию в следующих пределах: по количеству хозяйств – 39%, по пашне – 41% [10, с. 86].

5 января 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», в котором в незерновых районах, к числу которых принадлежала Московская область, коллективизация должна была завершиться «в пределах пятилетия» [22, т. 2, с. 85–86].

После принятия постановления ЦК темпы коллективизации ускорились, в т.ч. и в Тульском округе. Если на 1 января 1930 г. уровень коллективизации в Тульском округе составлял 7,9%, то к 1 февраля он уже достиг 32,6%, а к 1 марта – 82% [Там же, с. 321]. Причем уже к середине февраля в Тульском округе были полностью (на 100%) коллективизированы 8 районов: Воловский, Дубенский, Арсеньевский, Оболенский, Серебряно-Прудский, Тепло-Огаревский и Тульский. По другим

районам ситуация была следующая: в Веневском районе было коллективизировано 84% хозяйств, в Горловском – 80%, в Скопинском – 69%, в Плавском – 65%, в Богородицком – 64%, в Щекинском – 64%, в Милославском – 60% и т.д. [26]. Воодушевленное такими успехами, бюро МК ВКП(б) 18 февраля приняло постановление о завершении коллективизации в Московской области «в процессе весенней посевной кампании» [7, л. 9].

Однако в погоне за «высокими процентами» коллективизации местные партработники игнорировали принцип добровольности и широко применяли угрозы и принуждение при организации колхозов. Так, в с. Васильевское Плавского района Тульского округа уполномоченный райисполкома Барковский на общем собрании граждан категорически заявил: «Райисполком постановил в весеннюю посевную кампанию коллективизировать 40 процентов, а к осенней посевной кампании все 100 процентов, так что вам не миновать записываться в колхоз. А кто против мероприятий советской власти, тот ее враг, и их будут ссылать и раскулачивать» [12]. В Любимовском сельсовете Воловского района одна из деревень не хотела идти в колхоз. Тогда председатель райисполкома Рачинский сообщил гражданам этой деревни, чтобы они прислали в райисполком своих представителей для переговоров о выселении их из района [25, с. 10]. Председатель Александровского сельсовета Чернского района Евтиков, выступая в начале февраля на общем собрании крестьян по вопросу о коллективизации, заявил им: «В колхоз надо записываться обязательно. Кто не пойдет, задущу налогами» [27]. Возражавшим, указывавшим на недопустимость таких методов, Евтиков возражал коротко, но энергично: «Не ори, а то с бузотерами церемониться не будут...» [Там же]. Нередко подобные угрозы перерастали в массовые аресты несогласных крестьян. Так, в д. Ольгино Воловского района усердные «коллективизаторы» доходили до того, что присылали крестьян в административный отдел райисполкома с просьбой задержать их до тех пор, пока не будет закончена коллективизация [25]. В Арсеньевском районе за возражения против организации колхозов были арестованы 45 крестьян. В отдельных селах (например, в с. Ямонтово) для устрашения населения устраивались показательные суды [4, л. 357–358].

Одновременно с коллективизацией проводилась политика «ликвидации кулачества как класса». Начало этой политики было положено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» [22, т. 2, с. 126–130]. Это постановление устанавливало категории раскулачиваемых, а также конкретные методы проведения

политики раскулачивания. В частности, постановление предписывало «конфисковывать у кулаков... средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы» [Там же, с. 126].

Практическая реализация мероприятий по ликвидации кулацких хозяйств, в т.ч. и Тульском округе, началась еще до выхода постановления ЦК. Так, в Воловском районе на 25 января по 25 сельсоветам раскулачиванию подверглись 278 хозяйств [8]. Всего на 20 февраля 1930 г. по Тульскому округу было раскулачено 4200 хозяйств [18, с. 58].

Политика «ликвидации кулачества как класса» сопровождалась серьезными ошибками и перегибами. На практике часто она обычно превращалась в настоящий грабеж и мародерство. Так, в с. Новгородском Воловского района раскулачивание вылилось в бандитизм. Группа из 9 человек во главе с членом ВКП(б) Каминским и ликвидатором неграмотности Ласкиным, вооружившись отобранными у крестьян охотничьими ружьями, разъезжала на лошадях по селениям и «раскулачивала». Приезжая в деревню, они обычно собирали бедноту, намечали хозяйство к раскулачиванию, требовали с него вина, меда, мяса и, напившись, направлялись конфисковывать имущество. По дороге стреляли по окнам и в собак. Конфискованное имущество расхищалось [25, с. 11]. В Милославском сельсовете Епифанского района местные организации произвели налет на 4 середняцких хозяйства, описали все их имущество, и, забрав гармонику, пустились «гулять» по деревне. В полночь усердные «ликвидаторы» опять нагрянули в эти же средняцкие хозяйства и арестовали 5 середняков и даже 2 бедняков за то, что они на собрании будто бы говорили против колхозов [19]. В Губаревском сельсовете Плавского района один из членов выделенной для проведения раскулачивания комиссии, школьный работник Извольский, врывался в дома крестьян-средняков, производил обыски на чердаках и в подвалах, перерывая все тряпки и даже прощупывая карандашом кашу в горшках. В другом доме (тоже середняка) Извольский, взломав замки, довел до истерики беременную женщину [16]. В Арсеньевском районе руководитель райкома партии тов. Герасимчук при проведении раскулачивания давал такую установку: «Перегибов не бойтесь, они пойдут на пользу социалистического строительства» [4, л. 358]. В результате исполнения такой «установки» в районе среди раскулаченных без всяких оснований имелись семьи рабочих, красноармейцев, красных партизан, учителей, учительниц [Там же].

Насильственная коллективизация и раскулачивание вызвали решительное сопротивление крестьянства, принимавшее как пассивные, так и острые формы. Наиболее острой формой сопротивления крестьян

коллективизации были массовые выступления. По сведениям ОГПУ, Московская область принадлежала к числу наиболее «сильно пораженных» районов по остроте крестьянских выступлений [6, с. 144]. Массовые волнения крестьян происходили и в Тульском округе. За период с февраля по середину марта 1930 г. в Тульском округе было зафиксировано 21 выступление крестьян на почве коллективизации, в которых участвовали 3210 человек [22, т. 2, с. 326].

17–18 марта 1930 г. в с. Иевлево Богородицкого района Тульского округа произошли беспорядки, связанные с внутрирайонным переселением раскулаченных. Основные разговоры крестьян сводились к идее: «У нас нет кулаков, раскулачивание произведено неверно, переселять мы никого не дадим» [10, с. 172]. На следующий день проводилась разъяснительная работа, но и это не дало результата – вечером в селе возник пожар, была подожжена рига уполномоченного сельсовета Старцева. Собралась толпа сельчан в 3 тыс. человек, которая не давала тушить пожар. На подавление этого выступления были направлены более 60 работников ОГПУ [10, с. 172].

Другой острой формой сопротивления были террористические акты крестьянства против коммунистов, местных советских работников, сельских активистов и колхозов. За период с 1 января по 18 марта 1930 г. в Тульском округе было зафиксировано 22 теракта. По видам они распределялись следующим образом: убийства – 3, покушения на убийство, избияния, ранения – 8, поджоги – 11 случаев [22, т. 2, с. 327].

Среди пассивных форм протеста весьма распространенным было уничтожение и распродажа крестьянами своего скота. Так, в январе 1930 г. газета «Коммунар» – орган Тульского окружкома партии – писала: «Разбазаривание скота в отдельных районах округа принимает угрожающие размеры. Крестьянин-средняк и бедняк продают рогатый, рабочий и мелкий скот перед вступлением в колхозы. По сведениям статотдела, 1 января на Плавском рынке продавалось 1260 лошадей и 1440 голов рогатого скота. На Богородицком рынке продавалось 220 лошадей и 75 голов рогатого скота. В Плавском районе в декабре наблюдался сильной убой овец» [23]. В Веневском районе за два первых месяца 1930 г. рабочего скота уменьшилось на 3400 голов, коров – на 1200, овец – на 11 000 и свиней – на 1200 голов [17, с. 101]. То, что причиной уничтожения скота были именно перегибы в коллективизации, признавало высшее партийное руководство области. Выступая в июне 1930 г. на II Московской областной конференции, тогдашний руководитель областной парторганизации Л.М. Каганович сказал: «Несомненно, перегибы сыграли большую роль, они... создали условия для уменьшения количества скота» [2, л. 125].

В условиях массового недовольства крестьянства 2 марта 1930 г. вышла статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов» [21], а 14 марта постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» [22, т. 2, с. 303–305], осуждавшие «перегибы» и «извращения» в практике колхозного строительства и требовавших их немедленного исправления. Ошибки при проведении коллективизации также прозвучали и в докладе секретаря Тульского окружкома партии М.Л. Грановского 19 марта 1930 г. на собрании партийного актива патронного завода. В своем докладе он отмечал: «Погоня за высокими процентами привела в ряде мест нашего округа к искажениям партийной линии. Желая во что бы ни стало в самый кратчайший срок достигнуть стопроцентной коллективизации и козырнуть высокими цифрами, отдельные ячейки, бригады, даже в целом районные организации довольно часто смазывали добровольность колхозного движения, нарушая этим четкую и ясную директиву партии, что колхозы могут строиться только на основе добровольности... В ряде деревень нашего округа были допущены абсолютно вредные и недопустимые перегибы в раскулачивании. Чуть ли ни во всех районах были случаи, когда под “раскулачивание” попадал середняк» [1].

Конкретная оценка работы Тульской парторганизации была дана в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Тульской партийной организации», принятом по докладу Тульского окружкома 14 апреля 1930 г. ЦК отметил, что «коллективизация сельского хозяйства по Тульскому округу сопровождалась рядом серьезных искривлений: искусственное насаждение и декретирование колхозов, погоня за высшими формами колхозного движения и принудительное обобществление нетоварного молочного скота. Раскулачивание проводилось без должной политической подготовки и широкого привлечения батрацких, бедняцких и середняцких масс, в ходе раскулачивания имели место серьезные извращения: удары по середняку и даже бедняку... случаи дележки кулацкого имущества» [13, с. 76].

После выхода статьи Сталина и постановления ЦК ВКП(б) колхозы стали распадаться, а крестьяне массово подавать заявления о выходе из них. К 1 июня уровень коллективизации в Тульском округе составлял только 5,5% [5, л. 59].

Несмотря на такое развитие ситуации в деревне, высшее руководство страны не отказалось от планов завершения сплошной коллективизации. В сентябре 1930 г. ЦК обязал местные парторганизации обеспечить новый подъем колхозного движения [22, т. 2, с. 646–647]. В пленум Московского комитета (МК) ВКП(б), проходивший в феврале 1931 г., поставил задачу объединить в этом году в колхозы 25%

единоличных крестьянских хозяйств, а в районах деятельности МТС – 40–50% [14, с. 447].

Однако в 1931 г. и в дальнейшем методы коллективизации не поменялись. Вновь широко использовалось принуждение, главным образом, экономического характера. Были повышены единый сельскохозяйственный налог, самообложение и другие налоги. Так, в 1931 г. на один колхозный двор в среднем приходилось около 3 руб. сельхозналога, на одно единоличное хозяйство – более 30 руб., а на одно кулацкое хозяйство – почти 314 руб. [6, с. 158]. Подобные ставки налога вынуждали крестьян вступать в колхозы.

Еще одним мощным рычагом давления на крестьянство были хлебозаготовки. В 1931 г. планы хлебозаготовок в Московской области резко возросли. На 1930/31 год план заготовки зерновых культур по Московской области был на 73,7% больше, чем в 1929/30 г. [22, т. 2, с. 666–667, 688–689]. Высшее руководство области весьма жестко требовало от районных организаций выполнения плана хлебозаготовок и порой гневно реагировало на их слабую реализацию. Так, выступая в октябре 1930 г. на совещании по вопросу о хлебозаготовках в Тульской организации, первый секретарь МК ВКП(б) Л.М. Каганович говорил: «Никакого разговора не может быть о том, что план [хлебозаготовок] не выполним» [3, л. 80]. Особенно возмутило руководителя области положение дел с хлебозаготовками в Богородицком районе Тульского края. По этому поводу Каганович сказал: «Если Богородицкий район дал всего 30% хлебозаготовок, то это позор из позоров. Вас не на черную доску нужно посадить, а вам нужно черную доску повесить на грудь» [Там же, л. 82].

Весной 1931 г. также начался второй этап «ликвидации кулачества как класса». Во многих районах Тульского региона проводилось выселение кулаков за пределы Московской области. Так, из Тепло-Огаревского района в марте 1931 г. было выселено 49 раскулаченных семей, Белевского – 50, Куркинского – 58, Веневского – 79 [15, с. 290]. Февральский пленум МК ВКП(б) ориентировал партийных работников на проведение политики «ликвидации кулачества как класса» «со всей решительностью, большевистской последовательностью и непримиримостью» [11, с. 483]. Раскулачивание проводилось такими же жестокими методами, как и раньше. Так, крестьяне Кимовского района Тульского края жаловались: «Не прекращается у нас вредительство и головотяпство. По-прежнему раскулачивают крестьян-средняков. Местная власть ни с чем не считается, говоря – нам предписано... Отбирают у крестьян все имущество. Отбирают и выгоняют из домов» [22, т. 3, с. 109].

К лету 1933 г. в колхозы Тульского края вступило 73% крестьянских хозяйств [17, с. 121]. Самые высокие показатели коллективизации на 1 июля 1933 г. имели следующие районы: Чернский – 91,2%, Тепло-Огаревский – 87,1%, Алексинский – 85%, Белевский – 83% [24, с. 188, 229, 235]. Самые низкие показатели были в Богородицком районе – 60,5%, в Каменском – 61,5% и в Горловском – 62,3% [24, с. 190, 194, 204]. Эти показатели были достигнуты, главным образом, путем широкого использования как репрессивных мер, так и мер экономического воздействия.

Библиографический список

1. В решительной борьбе на два фронта (Доклад тов. Грановского на собрании партактива патронного завода) // Коммунар. 21 марта 1930 г. № 65 (3487).
2. Вторая Московская областная конференции ВКП(б). Бюллетень № 5 // Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 44. Д. 1585. Л. 121–125.
3. Выступление т. Кагановича на совещании по вопросу о хлебозаготовках в Тульской организации 24 октября 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 81 (Личный фонд Л.М. Кагановича). Оп. 3. Д. 212. Л. 59–86 об.
4. Докладная записка комиссии по обследованию Арсеньевской парторганизации // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 20. Д. 552. Л. 353–358.
5. Докладная записка о недочетах колхозного строительства по Московской области (по материалам на 25 августа 1930 г.) // Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 11. Д. 901. Л. 28–59.
6. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994.
7. Из особого постановления Бюро МК от 18.II о ходе весенней посевной компании // Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 11. Д. 901. Л. 1–9.
8. Как мы добились 100% коллективизации (Статья ответственного секретаря Воловского РК тов. Хохлова и председателя райисполкома тов. Рачинского) // Коммунар. 30 января 1930 г. № 24 (3446).
9. Капитальное строительство на 1929/30 [гг.] // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2157 (Мособлисполком). Оп. 1. Д. 256. Л. 17–24.
10. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006.
11. Коллективизация сельского хозяйства Центрального Промышленного района (1927–1937 гг.): Документы и материалы. Рязань, 1971.
12. Лавров В. Кто за колхоз – не спрашивали // Крестьянская газета. 1930. 6 апреля. № 27.

13. О работе Тульской парторганизации (Постановление ЦК от 14/IV – 1930 г.) // Партийное строительство. 1930. № 7–8. С. 76.
14. Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 2. Ноябрь 1917–1945. М., 1983.
15. Очерки истории Тульской организации КПСС. Кн. 1. 1883–1937. Тула, 1983.
16. По районам округа. Под видом раскулачивания // Коммунар. 1930. 28 февраля. № 49 (3471).
17. Подчуфаров Ф.М. Борьба Тульской партийной организации за коллективизацию сельского хозяйства (1929–1932 гг.) // Тульский государственный педагогический институт им. Л.Н. Толстого. Ученые записки кафедры истории КПСС. Вып. 1. Тула, 1969. С. 96–124.
18. Подчуфаров Ф.М. Тульские коммунисты во главе массового колхозного строительства // По ленинскому пути. Тула, 1974. С. 44–96.
19. «Раскулачивание» по-ефипански // Коммунар. 1930. 15 февраля. № 38 (3460).
20. Справочник по административно-территориальному делению Московской области 1929–2004 гг. М., 2011.
21. Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Сталин И.В. Соч. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М., 1949. С. 191–199.
22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-и т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001.
23. Хищническое разбазаривание скота – результат кулацкого вредительства // Коммунар. 1930. 22 января. № 18 (3440).
24. Экономико-статистический справочник по районам Московской области. Ч. I. Вып. I. М., 1934.
25. Янский. За чистоту партийной линии в колхозном строительстве // Коллективист. 1930. № 6. С. 10–11.
26. 8 районов полностью коллективизированы. Сводка по коллективизации на 15 февраля // Коммунар. 1930. 20 февраля. № 42 (3464).
27. 100 процентов в два дня // Коммунар. 1930. 14 марта. № 60 (3482).

Рыбаков Павел Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, филиал «Угреша» Государственного университета «Дубна», г. Дзержинский Московской обл.

E-mail: rybakov_ok@mail.ru

P. Rybakov

Collectivization and dekulakization in Tula region in the late 1920's – early 1930's

The article covers the process of collectivization and dispossession of kulaks in Tula region of Moscow area in the late 1920's and early 1930's on the basis of documentary and archival materials and data from periodicals. The article shows the process of developing the policy of collectivization and dispossession of kulaks, the main methods and techniques for their practical implementation. Particular attention is paid to the consideration of the protest movement of the peasants, directed

against collectivization. The region under study, according to the OGPU, was one of the districts of the Soviet Union, in which the protest movement was most acute. It took both passive and active forms. The article presents the most common forms of active and passive protest, their dynamics and scope. In the final part of the article, the results of collectivization in the region under consideration were summed up by the end of the first five-year plan.

Key words: collectivization of Tula region, dekulakization in the USSR, Russian village, peasantry, tax policy in the village, violence, repression, peasant resistance.

Rybakov Pavel A. – PhD in History; associate professor at the Department of General Education, branch «Ugresha» of Dubna State University, Dzerzhinsky, Moscow region.